

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА МАЛОЙ РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКА ШАГАЛА

Т.И. Синкевич

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Витебск, Республика Беларусь
sintat@inbox.ru

В статье представлены стихи, фрагменты писем, названия картин, репрезентирующие образ малой родины М. Шагала, ставшие знаками, символами реальности описываемых событий частной жизни одного из великих художников XX века. В них отражаются особенности восприятия мира, социальные отношения, национально-культурные особенности, они становятся ценным библиографическим материалом.

Ключевые слова: *ономастикон; информационное пространство; культурное наследие; знак; символ; артефакт; картина; художественное полотно*

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE SMALL MOTHERLAND IN THE WORKS OF MARC CHAGALL

T.I. Sinkevich

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Vitebsk, Republic of Belarus

The article presents poems, fragments of letters, names of paintings that represent the image of the small homeland of M. Chagall, which became signs and symbols of the reality of the described events in the private life of one of the great artists of the XX century. They reflect the peculiarities of perception of the world, social relations, national and cultural characteristics, they become a valuable bibliographic material.

Keywords: *onomasticon; information space; cultural heritage; sign; symbol; artifact; painting; art canvas*

2020 год объявлен в Беларуси годом малой родины. Родина у нас одна, ее не выбирают, она навсегда в сердце человека, где бы он ни был. О том, что родина, родные места, родные люди всегда были в сердце художника, занимали его мысли, свидетельствуют его письма, картины и их названия, его стихи, посвященные родному городу Витебску, и улице, на которой он родился и вырос.

Родной и милый сердцу Витебск так или иначе присутствует почти на всех полотнах М. Шагала, упоминается в его стихах

и, самое главное, до конца его дней живет в его сердце, тревожит его душу. Художник, которому удалось покорить мир своим особым стилем, манерой написания картин и неповторимостью взгляда на жизнь, воспел и увековечил свой Витебск. Можно назвать 5 картин, которые непосредственно связаны с городом мастера. Во-первых, это картина «Над городом» (1914–1918 гг., хранится в Третьяковской галерее (Москва, Россия)) [Шагал 2009: 5]. Полет с любимой Беллой над городом, романтика и любовь – вот что правит миром. Реальность и вымысел, мир воспоминаний души, аура города, дающая полет фантазии. Во-вторых, известная картина «Над Витебском» (1914 г., Центр Жоржа Помпиду (Париж, Франция)) [Шагал 2009: 5], где мы видим кривые улочки города, с любовью и нежностью изображенные художником. Улицы заметены снегом, низкие домики, заборы и церковь на фоне этого пейзажа. От картины исходит тепло, поэтому странник, которого мы видим вдалеке, возможно, и есть сам Марк Шагал – вечный странник и уставший путник, спешащий на огонек, где его ждут. Еще одна картина носит название «Прогулка» (1917–1918 гг., хранится в Русском музее (Санкт-Петербург, Россия)) [Шагал 2009: 5], она приглашает нас стать свидетелями счастья двух любящих людей. На переднем плане – Марк, который держит за руку любимую, в другой руке у него синица и журавль, что весьма символично, ведь у человека всегда есть выбор; а на заднем плане – любимый город, соединивший любящие сердца. Картина «Скрипач» (1912–1913 гг., хранится в Музее Стеделек (Амстердам, Голландия)) [Шагал 2009: 5] – это не совсем обычная картина, в ее основу были положены реальные факты из жизни семьи: скрипач, который танцует на крыше, – это дядя Марка Шагала. Он забрался туда, чтобы спокойно поесть киселя, уйти от суеты, поразмышлять. А размышлять было о чем, ведь скрипач был рядом в самые важные моменты жизни человека: при рождении и смерти. Традиции имели огромное значение для художника, он очень трепетно относился к семье, близким, друзьям. И еще одна картина, которая носит название «Синий дом» (1917 г., хранится в Музее изобразительных искусств (Льен, Франция)) [Ша-

гал 2009: 5], тоже необычна. Взглянув на нее, ты вдруг понимаешь, как хрупок этот мир, что можно, оставаясь взрослым, быть ребенком с огромным сердцем и широко открытыми глазами.

Картины, стихи, письма – везде мы чувствуем присутствие художника, вместе с ним любим и ненавидим, веселимся и печалимся, но везде и во всем его особый почерк. Вдали от родины и близких он был одинок: «...когда я здесь в Париже живу и работаю одинокий» [Лисов 2012: 69]. Даже написанное в самом начале письма слово «Paris» по-французски выглядит как что-то чужое, далекое, не родное. Работа... Она спасала от одиночества: «...получил Вашу телеграмму и сегодня высылаю работы (в одном ящике с работами г. Тархова). <...> ...Я бы считал желательным повесить их в определенном освещении (следуя обычаю французского салона, где всегда спрашивают относительно развески). <...> Наконец, о чем я б Вас хотел попросить, это чтоб комитет выставки *послал мне счет всех расходов*, павших на мою долю, включая сюда часть стоимости за пересылку работ совместно с Тарховым...» [Лисов 2012: 69–70]. Речь идет о подготовке и отправке картин на выставку. М. Шагал очень внимательно следил за судьбой своих работ, поэтому комментировал все, что было связано с их переездом, расположением в салоне (с учетом традиций), хранением. В письме он напоминает: «Вспоминаю пререкания с цензурой на нашей выставке в Аполлоне и поэтому очень беспокоюсь судьбой моих теперешних работ; могу надеяться только на Вас, что Вы, если возможно отстоите работы перед цензурой». М. Шагал беспокоится о сохранении названий своих картин: «Сомневаюсь относительно вещи: “Внутренность дома (рождение)”. Быть может, цензор будет придираться к названию “рождение”, тогда прошу Вас сохранить только первое и объяснить ему как декоративную задачу исключительно» [Лисов 2012: 69]. В письме упоминаются еще две работы: «№ 2 Комната. / № 3 Покойник на улице» [Лисов 2012: 70]. Далее следует приписка: «Все эти названия можете Вы по Вашему усмотрению переменить», то есть, выражается доверие относительно самого дорогого на тот момент, что

было у художника, – судьбы его картин. В конце письма сказано: «Вот все, что я Вас хотел просить и позволю себе надеяться, что примите все меры, чтоб оставаться Вам искренно благодарным и обязанным. М. Шагал» [Там же].

М. Шагал писал всегда так, как будто постоянно куда-то спешил: часто не дописывал слова, прибегал к сокращениям, не всегда придерживался правил грамматики, оставлял без внимания знаки препинания (но только не тогда, когда речь шла о главном – о картинах). Это отрывки из писем к учителю и другу Л. Баксту, из которых явствует, что художник одинок, его спасает только работа и воспоминания о родном городе.

В своих стихах чуть позже он напишет:

Я – из Витебска, где сквозь тлен
старый Пэн берет меня в плен,
хоть холодных ветров торжество
над забытой могилой его [Подлипский 1997: 3].

Еще одно имя, еще воспоминания, еще один учитель, давший путевку в жизнь. М. Шагал будет помнить о нем всегда, не смотря на разногласия и недопонимание.

В самые трудные моменты жизни художника его хранила та невидимая связь с городом, в котором он родился. Он писал об этом так: «Давно уже, мой любимый город, я тебя не видел, не слышал, не разговаривал с твоими облаками и не опирался на твои заборы. Как грустный странник – я только нес все годы твое дыхание на моих картинах. И так с тобой бедствовал и, как во сне, тебя видел» (цит по: [Симанович 2004: эл. ресурс]). Эти стихи в прозе «К моему городу Витебску» написаны в годы Великой Отечественной войны, в Нью-Йорке, но в них все так же, как на картинах, все те же люди, мысли, чувства. Это своеобразное признание в любви. Многие детали его стихотворений перекликаются с фрагментами полотен: «Во мне грустят кривые улочки, / надгробья серые – на склоне, где лежат / в горе благочестивые евреи» (цит по: [Симанович 2004: эл. ресурс]). (Это о Старосеменовском кладбище, что на Юрьевой горке, где покоится прах и его учителя – Ю. Пэна.)

Фрагменты картин, фрагменты жизни, закрепленные и в словах: «церквушки дальние и синагоги», «дом старый, низенькая крыша», портреты матери, отца и Беллы» [Симанович 2004: эл. ресурс].

Вот она – улица Покровская, где во время пожара родился будущий художник, расположена в районе Задвинье. Она получила свое название в честь деревянной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы XVIII века. Жили здесь преимущественно евреи. По данным документов Национального архива РБ, в 1913 году 86 % составляли евреи, проживавшие на этой и прилегающих к ней улочках Витебска [Витебск 1988: 1]. Это одна из немногих улиц, где еще сохранилась атмосфера старинных витебских кварталов. В книге «Моя жизнь» художник писал: «Если мое искусство не играло никакой роли в жизни моих родных, то их жизнь, их поступки, напротив, сильно повлияли на мое искусство» [Шагал 1994: 4]. Это слова не только о семье художника, но и обо всех людях, живших на этой улице, об их образе и ритме жизни. Люди и их образ жизни нашли свое отображение не только на полотнах мастера, но и в названиях его картин, например, «Вид из окна в Витебске» (1908 г., СПб, собрание З. Гордеевой): окно комнаты, где работал художник, было обращено на Выгонную улицу, которая вела к выгону, где пасли скот. Художник дорожил всем, что связывало его с родными, часто вспоминал свое детство. В стихотворении «Ангел над крышами» он пишет: «Ты помнишь меня, мой город, мальчишку, ветром надутый ворот... Река их памяти испей-ка и вспомни вновь юнца того, что на твоих сидел скамейках и ждал призыванья своего» (цит по: [Подлипский 1997: 3]). Да, это город, который сделал его художником и связью с которым он дорожил. Свое название город Витебск получил от названия реки Витьба – притока Западной Двины. Этимологически название реки связывают с ландшафтным термином *вить*, что означает 'влажное место, топь' [Трусман 1897: 6]. Город стал для мастера символом культуры, подарил любовь Беллы, служил ему музыкой, спасал от одиночества.

Уже в преклонном возрасте Марк Шагал напишет:

Отечество мое – в моей душе.
Вы поняли?
Вхожу в нее без визы.
Когда мне одиноко, – она видит,
Уложит спать, укутает, как мать.
Во мне растут зеленые сады,
Наохленные скорбные заборы,
И переулки тянутся кривые.
Вот только нет домов.
В них – мое детство,
И как оно разрушилось до нитки.
Где их жилье?
В моей душе дырявой (цит по: [Подлипский 1997: 3]).

Для великого художника город Витебск – это не только место рождения, но и город, который дал ему путевку в жизнь, одарил любовью и привязал к себе навсегда.

Литература и источники

Витебск: Энциклопедический справочник / гл. ред. И.П. Шамякин. Минск.: БелСЭ им. П. Бровки, 1988. 408 с.

Лисов А.Г. Два письма Марка Шагала Мстиславу Добужинскому об участии в выставке художественного объединения «Мир искусства» // Искусство и культура. 2012. № 4 (8). С. 65–70.

Подлипский А.М. Васильковые годы М. Шагала, или Витебск в судьбе художника. Витебск: Витебский краеведческий фонд им. А. Сапунова, 1997. 71 с.

Симанович Д. «Я подарил творенья дух...» (о стихах Марка Шагала) // Шагаловский сборник. Вып. 2. Материалы VI–IX Шагаловских чтений в Витебске (1996–1999). Витебск: б. и., 2004. С. 56–60. URL: chagal-vitebsk.com (дата обращения: 17.01.2020).

Шагал М. Моя жизнь. Москва: Прогресс, 1994. 208 с.

Шагал М. Мой мир. Москва: Директ-Медиа, 2009. 178 с.

Трусман Ю.Ю. Этимология названий Витебской губернии. Ревель: Тип. Г. Матизена, 1897. [4], 331 с.